

Лекция 2. Развитие психолингвистики и ее взаимодействие с иными направлениями в лингвистике

Сегодня психолингвистика, кроме собственно теории речевой деятельности, воплощается в целом ряде прикладных, практических направлений. Дело в том, что кроме обычного и естественного случая передачи информации от человека к человеку, могут быть особые случаи речевой деятельности, которые интересуют **специальную психолингвистику**. Кратко их перечислю.

А. Порождение и восприятие художественного текста. Понятно, что здесь, кроме передачи объективной, «рациональной» информации, имеет место передача информации эстетической, и это составляет отдельную сферу знаний. Возникает даже особое название для данного направления науки: *психопэтика*.

Б. Освоение и использование языка в детском возрасте. Появилось специальное название и для этого ответвления языкознания: *онтолингвистика* (см. работы российских авторов А.М. Шахнаровича, Н.И. Лепской, С.Н. Цейтлин, Т.А. Гридиной и др.). Многие авторы считают, что изучение особенностей становления речи у ребенка может пролить свет на природу филогенеза, то есть на происхождение языка как такового, человеческого языка вообще.

В. Порождение и восприятие текста в условиях шума. Шум понимается здесь не в акустическом, а в информационном плане: это всякого рода помехи нормальному процессу. В том числе человек может быть больным, очень усталым, нетрезвым, находиться под гипнозом или в состоянии аффекта; могут быть также технические помехи в канале информации и т.д.

Г. Использование языка при расстройствах речи, связанных с заболеваниями нервной системы. Это прежде всего различные виды афазии (речевых расстройств). Обобщение наблюдений и экспериментов в данной области позволило сформироваться пограничной дисциплине *нейролингвистике*.

Д. Порождение и восприятие текста с учетом различных национально-культурных характеристик: особенностей темперамента, статусно-ролевых, гендерных и тому подобных отличий в условиях разных социумов. Сопоставление соответствующих данных создает основу для типологии, то есть классификации; есть у этого направления и точки соприкосновения с теорией и практикой перевода.

Е. Речевая деятельность под углом зрения криминалистики, судебной медицины, инженерной психологии – это всё прикладные

аспекты психолингвистики. Сюда же относится составление «речевого портрета» личности и т.п.

На некоторых из этих направлений стоит специально остановиться.

Этнопсихолингвистика занимается изучением того, как протекают процессы речевой деятельности у разных народов. Особенности здесь могут быть обусловлены культурными различиями, социальными установлениями или самим языком. В частности, в разных социумах могут быть разные правила обращения к собеседнику и ведения диалога, специфический набор языковых стереотипов, особенности использования сравнений, имен собственных, цветообозначений, перечень табу, налагаемых на те или иные наименования, и т.п. Приведу некоторые примеры.

У российского литературоведа, искусствоведа, психолога Георгия Гачева есть целый ряд работ, в которых он описывает особенности поведения (в том числе речевого) разных народов: русских, киргизов, болгар, армян... Это, так сказать, развитие традиций *Völkerpsychologie* на современном этапе. В частности, говоря о болгарях, Гачев неоднократно подчеркивает недоверчивость болгарина, его склонность к сомнениям. Цитирую:

«Он не принимает ничего на веру, но оставляет резерв для сомнения и принятия другой истины» (из книги «Национальные образы мира». М., 1988).

Конечно, в это нетрудно поверить, тем более, что сам Гачев – выходец из семьи болгарских эмигрантов, и болгарская культура для него не чужая. Но какое это имеет отношение к языку? А вот какое (продолжу цитату):

«Болгарская форма мысли и высказывания – не категорическое суждение, а утверждение в форме условия («если...»), вариантности («или...»), вопроса – но тоже смягченного (через «ли»)».

Возможно, не случайно в данном плане и наличие в болгарском языке специального пересказывательного наклонения: если там говорящий не уверен в том, что говорит, а опирается на чужие слова или непроверенную информацию, то он использует особые глагольные формы. Например, высказывание *Той вчера замина за Виена* означает ‘Он вчера уехал в Вену’, а *Той вчера заминал за Виена* – ‘Он вчера, говорят (или: вроде бы), уехал в Вену’.

Анна Вежбицкая, крупный современный лингвист польского происхождения, много внимания уделяет культурным сценариям, принятым у разных народов. И описывая, в частности, немецкие

культурные сценарии, она обращает внимание на важность для них семантических категорий, которые можно было бы обозначить как «долженствование», «запрет», «порядок». Естественно, всё это отражается в языке. Вежбицкая рассказывает, в частности, как британский дирижер, работавший в Берлине, обратился за помощью к преподавательнице немецкого языка. Он хотел бы сказать своим оркестрантам: «Видите ли, мне кажется, было бы лучше, если бы мы играли так». На что преподавательница ответила: «Конечно, можно найти способ сказать это по-немецки, но никто не станет этого делать. Нужно сказать: *man muss*» (по книге: Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999; *man muss* по-немецки значит просто: 'необходимо').

Наблюдения показывают, что в разных обществах речевые действия могут быть в разной степени связаны с практической, неречевой деятельностью. Известный этнограф Бруно Малиновски отмечал, что у «примитивных» народов речь – это *speech in action*: любое высказывание «самым тесным образом связано с действиями людей, значение каждого слова самым непосредственным образом зависит от специфики этих действий, а структура всего высказывания – от конкретной ситуации, в которой она рождается» (цитирую по: Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М. – СПб., 2003).

Через «доминирующие виды конкретизации высказывания» строй языка может влиять на национальную специфику мышления. Тот же А.А. Леонтьев в качестве одного из примеров приводит немецкий язык, располагающий разветвленной системой средств локализации предметов, действий и отношений. Речь идет в первую очередь об отделяемых глагольных приставках (типа *hinaufgucken* 'выглядывать отсюда вверх', проще по-русски сказать невозможно) и многочисленных пространственных предлогах, в том числе производных, типа *oberhalb* 'над (не касаясь)' – тоже довольно неуклюжий перевод, но именно в этом специфика системы немецкого языка.

Еще свежий пример: Ю.А. Стуликова, автор статьи, посвященной итальянской языковой картине мира, замечает, что русскую фразу *Я иду от Джулии к Марко* невозможно буквально перевести на итальянский язык, «ввиду отсутствия предлога, который мог бы передать значение 'от кого?', но, по-видимому, сама мысль в таком виде отсутствует в итальянской картине передвижений в пространстве. Итальянское представление о перспективе подобного движения передается

следующим контекстом: 'Только что я был у Джулии, а теперь иду к Марко'».

Этнопсихоллингвистика в качестве своей дальнейшей задачи ставит создание общей типологии речи, обусловленной этносоциальными причинами.

С **патопсихоллингвистикой** связано создание психоречевых портретов личности. Психиатрам хорошо известно, что по особенностям речи, точнее, по отклонениям от некоего речевого стандарта можно определять диагноз психического заболевания. Вот несколько примеров (по Леонтьеву).

Маниакально-депрессивный психоз: «телеграфный стиль», переходящий в бессвязность; отвлекаемость речи на новые предметы, возникновение большого числа ассоциаций по созвучию (в том числе рифмующихся слов).

Эпилепсия: замедленная и неясная речь, витиеватость, «вязкость» и стереотипность речи, тенденция к повтору, обилие слов в уменьшительной форме и т.п.

Болезнь Альцгеймера: стереотипность речи: высказывания состоят из одних и тех же слов или словосочетаний и произносятся с одинаковой интонацией.

Шизофрения: резонёрство и обстоятельность речи, замена конкретных понятий абстрактными и наоборот; повторение слов, произносимых собеседником, бессмысленное выкрикивание одного и того же слова или высказывания и т.п. Леонтьев приводит в качестве образца такой отрывок из письма шизофреника в Академию наук: *«Сила конуса законом властно действует высотным для поднятий горизонтом во полете стилем вносным»*. Наверное, автор письма старался таким образом обосновать свое открытие...

Попробуйте сами оценить и «поставить диагноз» одному из персонажей Гоголя, который выражается следующим образом:

«Да, конечно, нельзя сказать, чтобы не было того... в своем роде... Ну, конечно, кто ж против этого и стоит, чтобы опять не было и... где ж, так сказать... а впрочем... (*Утвердительно сжимая зубами.*) Да, да!» (сценка «Театральный разъезд»).

Однако и в рамках психической нормы существует большое разнообразие типов личности, в самом общем виде сводимых к **интравертам** и **экстравертам** (согласно швейцарскому психологу Карлу Юнгу). Возможна и значительно более подробная классификация. Так, немецкий психиатр Карл Леонгард в своей известной книге «Акцентуированные личности» (K. Leonhard. Akzentuierte

Persönlichkeiten. Berlin, 1976) говорит о личностях *демонстративных* (вралях, болтунах), *педантических* (аккуратистах, занудах), *застревающих* (подозрительных, ревнивых, злопамятных и т.п.), *возбудимых* (раздражительных) и т.п. Все эти особенности характера имеют и свои речевые признаки.

Могу привести из своих собственных наблюдений несколько примеров речевых портретов (разумеется, не называя фамилий).

X долгие годы была на руководящей работе. Говорит громко, связно, уверенно. Любит поучать, ссылаться на авторитеты. В речи подчеркивает свои достоинства, выпячивает свои вкусы. Например, за обедом в ресторане говорит: «Нам сегодня подали именно такую рыбу, которую я люблю». Образ – «начальница».

У многословна, но говорит сбивчиво, захлебываясь, перескакивая с одного предмета на другой. В речи – масса междометий и других эмоциональных средств. Склонна к ироническим замечаниям. Часто сбивается на тему: «Я и великие», например: «Когда я разговаривала с академиком таким-то...». Обожает лести, даже грубую. Образ – «светская женщина».

Z часто вставляет в свою речь жаргонизмы. Любит противоречить, перебивать, особенно вставляя в диалог: «А вот я...», «А вот со мной был случай...». Часто переспрашивает, к месту и не к месту: «Да? Правда?» Кичится своей некомпетентностью в вопросах искусства. Любимый символ – свинья (чего не скрывает). Образ – «хулиганка, девочка-подросток».

В последние годы в российской лингвистике стало популярным введенное Юрием Николаевичем Карауловым понятие «языковая личность»; это «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)». Появляются также понятия «речевого портрета» и даже «речевого паспорта» (М.В. Панов, Е.А. Земская, В.И. Карасик и др.). Нередко языковая личность может быть легко опознана по какой-то характерной для нее речевой «метке». Например, для речи российского политика Жириновского характерно слово *однозначно*, премьер-министр Гайдар любил довольно редкую частицу *отнюдь*, а Ельцин оставил о себе память частым употреблением вводного слова *понимаешь*, а также существительным *загогулина* в неожиданном значении...

Понятно, что с данным ответвлением психолингвистики тесно связана лингвистическая экспертиза текстов. У нее много задач: установление авторства художественных произведений, акустическая или почерковедческая авторизация текста и вообще анализ текста для

нужд криминалистики (особенно важный для таких жанров, как завещание, расписка, письма с угрозами, предсмертные записки и т.п.).

Психолингвистика речевого воздействия. При всей условности этого названия оно покрывает очень важные сферы приложения психолингвистической теории. Это разработка коммуникативных технологий. В том числе сюда относятся использование языковых средств в политических, пропагандистских целях, манипулирование общественным мнением, речевая суггестия и т.д., вплоть до так называемого нейролингвистического программирования, ставшего сегодня весьма модным.

Известно, что для тоталитарных режимов (как фашистской Германии или Испании, так и Советского Союза или народно-демократической Польши) были свойственны одни и те же приемы в использовании языковых средств. Блестящий образец манипуляций со словом был воссоздан английским писателем Джорджем Оруэллом в его романе-антиутопии «1984» (написан в 1949 году). Писатель-фантаст попытался заглянуть в близкое будущее, в общество «английского социализма», построенное в вымышленной стране Океании. Для этого общества был характерен особый язык – «новояз» (в оригинале newspeak). Военное министерство в «новоязе» называлось *Министерством мира*, министерство экономики – *Министерством изобилия*, исправительно-трудовой лагерь – *восторглагом* (от *восторг* и *лагерь*) и т.д.

А о том, как это было в реальной действительности, свидетельствуют, в частности, записки немецкого публициста Виктора Клемперера «Язык Третьего Рейха» (V. Klemperer. LTI. Lingua Tertii Imperii). Так, за немецким выражением *der Ort der Ordnung und Gerechtichkeit* (буквально ‘место порядка и справедливости’) скрывалось в тот период обозначение концентрационного лагеря. Есть и более поздние издания, специально посвященные языку гитлеровского режима, например, книги гамбургского журналиста Ф. Бедюрфтига: *F. Bedürftig. Lexikon Drittes Reich. München, 1997* и др.

Заслуживают внимания издания, фиксирующие особенности «советского новояза», в частности:

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1988;

Сарнов Б. Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. М., 2005 и др.

Здесь описываются, в частности, такие важные для советского тоталитарного режима понятия, как *номенклатура*, *троцкизм*,

жилиплощадь, уплотнение, лишенец, битва за урожай, явка обязательна, сын за отца не отвечает и т.п. Очень интересна статья Юрия Левина о семиотике советских лозунгов, опубликованная в *Wiener Slawistischer Almanach*, Bd. 22 (1988). В последние годы в России появляется масса публикаций на тему «Язык и политика» - книги А.П. Чудинова, Е.И. Шейгал и других авторов. Для сравнения назову еще книгу польского публициста Михала Гловиньского, посвященную использованию языка в пропагандистских целях в социалистической Польше: *M. Głowiński. Nowomowa po polsku. Warszawa, 1990.*

При сегодняшнем развитии средств массовой информации как никогда актуальной становится задача выиграть информационную войну. Особенно важно это при отражении проблемных ситуаций в так называемых горячих точках планеты: при описании локальных войн, катастроф, восстаний и массовых беспорядков и т.п. Это тоже составляет объект психолингвистики речевого воздействия.

Языковые средства, используемые с данной целью, чрезвычайно многообразны. Это и морфологические категории (например, лицо, наклонение, число и др.), и синтаксические конструкции, и даже – на письме – знаки препинания (в частности, В. Клемперер в упоминавшейся выше книге продемонстрировал особую роль кавычек в текстах тоталитарных режимов). Но главное средство на службе у функции речевого воздействия – это, конечно, лексика. Причем речь идет не только об «идеологически маркированных» словах, вроде *руководитель/главарь, разведчик/шпион, повстанец/мятежник, помощник/пособник, предприниматель/делец, известный/пресловутый* и т.п., но и о словах, казалось бы, самых обычных. С помощью этих обычных, нейтральных названий говорящий успешно манипулирует сознанием слушающего, навязывает ему определенное видение мира.

Например, слово *стабильный* в своем основном значении означает ‘постоянный, не меняющийся во времени’. Однако у этой лексемы очень сильна положительная коннотация (мы приучены к мысли, что «стабильно» – это «хорошо»). И даже когда *стабильно* попадает в совершенно неуместный, противоположный по смыслу контекст, оно «срабатывает». Так в сообщениях о «стабильно тяжелом» или «стабильно критическом» состоянии больного слово *стабильно* должно нас успокаивать. Точно так же употребление определений *проблемный (проблемная ситуация, проблемная кожа), неоднозначный (неоднозначное решение), неадекватный (неадекватная реакция), несерьезный (несерьезный человек)* и т.п. способствует созданию в глазах читателя отрицательной, принижающей характеристики

предмета, хотя основное значение этих прилагательных такого оттенка не предполагает.

Есть и другие сферы современной жизни, в которых психолингвистика находит себе место. Говоря о сегодняшнем состоянии этой науки, следует сказать также о ее тесном сотрудничестве с другими лингвистическими направлениями, прежде всего **функциональным**. Об этом я уже упоминал в прошлой лекции. Функционализм в языкознании означает учет того, с какой целью происходит общение. К чему стремятся говорящий и слушающий? Какую роль играют при этом отдельные элементы языка? Почему язык устроен так, а не иначе? С каких позиций мы изучаем речевой акт? и т.д. Однако, в отличие от психолингвистики, функциональное направление не прибегает к эксперименту, а ограничивается наблюдением.

Функциональный подход к языку часто связывают с определенной школой в лингвистике: Пражским лингвистическим кружком (С.О. Карцевский, Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон, В. Матезиус и др.). Но стремление рассмотреть язык под углом его функционирования («в языке есть то, что работает в речи») было свойственно многим ученым. Фактически функционализм – единственная возможность объяснить устройство языка через его предназначение. Можно сказать, что настоящая лингвистика всегда функциональна.

В современном языкознании широко известна теория функциональной грамматики петербургского профессора Александра Владимировича Бондарко и его сотрудников. Согласно этой теории, в сознании носителя языка существуют объемные функционально-семантические поля (ФСП), типа «персональность», «локативность», «темпоральность», «модальность», «посессивность» и т.п., позволяющие человеку познавать действительность и оперировать ее фрагментами. Центральную (ядерную) часть такого поля, как правило, занимает грамматическая морфологическая категория (лицо, время, наклонение и т.п.). В ходе речевой деятельности человек выбирает, соотносит, комбинирует разные средства, которыми располагает ФСП. Например, в конкретной ситуации, говоря о себе, он может сказать примерно так:

«Я прочитал эту книгу. Но **мне** она не понравилась. Думаю, **нам** сегодня не такие книги нужны. **Тут** многие говорили то же самое. **Мне** кажется, **современный читатель** уже этот этап прошел» и т.д.

Здесь говорящий позиционирует себя через личное окончание глагола (*думаю*), личное местоимение *я* (*мне*), а также обобщенно во множественном числе – *мы* (*нам*), и даже описательно, завуалированно – через наречие *тут* и номинацию *современный читатель*... Всё это –

прямые или косвенные средства ФСП персональности. Понятно, что в ходе порождения текста говорящий не фиксирует своего внимания на том, как именно сказать о себе: «я» или «мы», «наш брат» или «автор этих строк» – но язык предлагает ему готовые образцы такого словоупотребления.

Функциональный подход, если он осуществляется в направлении от значения к форме, требует исчисления (систематизации) некоторых исходных смыслов. Это могут быть семантические операторы типа глубинных падежей Чарльза Филлмора: «объект», «адресат», «инструмент», «локатив» и т.п. Все версии функциональной грамматики – голландца Симона Дика, американца Роберта Ван Валина, финна Арто Мустайоки, москвички Майи Владимировны Всеволодовой и других – разрабатывают эту «идеографическую» базу.

Функциональный подход также ставит на повестку дня вопрос о реальной стоимости лингвистических построений. Не следует ли различать грамматику «натуральную», наивную, заложенную в самом языке, и грамматику «внешнюю», создаваемую лингвистами и в чем-то, по выражению польского лингвиста Петра Жмигродского, уподобляющуюся игре? Отсюда вытекают практические рекомендации по минимализации лексикона и «централизации» (оптимизации) грамматики в дидактических целях. Зачем учащемуся запоминать огромное количество сведений о языке, если можно обойтись необходимым минимумом: наиболее частыми словами, наиболее активно используемыми словообразовательными моделями, синтаксическими схемами и т.п.? Очевидно, что эти вопросы напрямую соотносятся с прикладными психолингвистическими проблемами.

Действительно, грамматик (то есть описаний языка) в современном мире стало много. И дело не в разных авторах, а в разных аспектах, или подходах. Кроме уже упомянутых генеративной грамматики, модели «Смысл ↔ Текст» Мельчука, функциональной грамматики в версии Бондарко, Всеволодовой, Дика, Мустайоки, других авторов, следует назвать еще «ассоциативную грамматику» Ю.Н. Караулова, «лексическую грамматику» А.Н. Шарандина, «креативную грамматику» Е.Н. Ремчуковой, и все они имеют отношение к изучению процессов речевой деятельности человека.

В частности, «**Ассоциативная грамматика**» уже знакомого нам Ю.Н. Караулова основывается на гипотезе, что «грамматика, которая находится в распоряжении стихийного носителя языка, вся сплошь лексикализована, привязана к отдельным лексемам, как бы распределена между ними...» (Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского

языка. Москва, 1993). Изучать такую грамматику можно, опираясь на данные ассоциативных экспериментов, создающих в совокупности «ассоциативно-вербальную сеть». (Это подтверждает близость данной модели к психолингвистическим.)

Дело в том, что испытуемые в этих экспериментах (о них еще будет идти речь на одной из следующих лекций) реагируют на слово-стимул не только парадигматическими связями, типа *бабушка – внучка*, *бабушка – пенсия*, *бабушка – седина*, но и синтагматическими, типа *бабушка – седая*, *бабушка – вспомнила*, *бабушка – дедушке*. Вот эти последние Караулов считает реакциями грамматикализованными, отражающими реальную грамматику, функционирующую в сознании носителя языка. Таких грамматикализованных реакций в общем числе ответов – не менее половины. А если стимул приводится не в исходной форме, а в какой-то косвенной (падежа, лица, рода и т.д.), то эта доля еще более возрастает: на стимул *начну* частые ответы – это *сначала*, *завтра*, *делать* и т.п., на стимул *пальца* самый частый ответ – *нет* и т.п. Это подтверждает, что испытуемый, даже находясь в искусственных условиях эксперимента, пытается, отталкиваясь от слова-стимула, создать своего рода мини-текст.

У «Ассоциативной грамматики» Караулова довольно интересные перспективы: она позволяет выстроить русские падежи по степени их «важности» для сознания в такую последовательность: винительный, именительный, предложный, родительный, творительный, дательный. Она помогает также выявить психологическую специфику частей речи и отдельных грамем в речевой деятельности.

Концепция «**лексической грамматики**» Анатолия Леонидовича Шарандина также основана на идее, что грамматические значения тесно переплетаются в языковой системе с лексическими. Но она подходит к этой взаимосвязи как бы с другой стороны. Имеется в виду, что лексико-семантическая группа слов, как правило, имеет свои грамматические признаки. Это значит, что морфологические категории способны группировать и «шифровать» лексическую семантику.

Возьмем для примера глаголы. Они обладают в русском языке разветвленной словоизменительной парадигмой (лицо, число, склонение, время, залог) и словообразовательными возможностями. Но значит ли это, что каждый глагол с одинаковой легкостью образует все возможные производные формы? Вовсе нет.

Например, есть ряд глаголов, которые употребляются только в 3-м лице, обозначая природные состояния или физиологические процессы:

светать, темнеть, подмораживать, сквозить, холодать..., тошнить, знобить, трясти, першить, шуметь (в голове), звенеть (в ухе) и т.п.

Далее, есть глаголы, которые образуют личные формы только во множественном числе: *собираться, расходиться, сбегаться, сливаться, скапливаться, толпиться* и т.п.

Есть глаголы, которые, употребляясь в 1-м лице единственного числа настоящего времени, получают особое значение: они обозначают действие, которое сами же и называют (это так называемые перформативы): *я обещаю, я клянусь, я объявляю, я заявляю, я присягаю, я прошу* и т.п.

Есть глаголы, которые присоединением суффикса и чередованием в корне легко принимают значение многократности, ср. *ходить – хаживать, читать – читывать, сидеть – сиживать, говорить – говаривать* и т.п. Но другие глаголы таких производных не образуют: нельзя сказать «езживать» или «думывать».

Так, может быть, для каждой лексико-семантической группы глаголов характерен свой набор грамматических категорий и морфологических форм? Шарандин устанавливает в русском языке 19 типов лексем и столько же моделей наборов грамматических категорий. Пр процитирую:

«Глагольные лексемы [...] избирательно относятся к набору не только форм той или иной категории, но и к набору грамматических категорий вообще» (Шарандин А.Л. Курс лекций по лексической грамматике русского языка. Тамбов, 2001).

Та же внутренняя взаимосвязь и взаимодействие лексической семантики и грамматики проявляется в многозначных лексемах. Скажем, глагол *учить* в русском языке – многозначный. Словари насчитывают у него до 10 значений ('передать знания', 'преподавать', 'воспитывать', 'наказывать', 'излагать' и т.п.). И оказывается, что каждое из этих значений достаточно четко «подтверждается» своим набором формальных признаков. Так, *учить* в значении 'передать знания' обладает максимально широким набором форм, *учить* в значении 'преподавать' не имеет совершенного вида, а *учить* в значении 'наказывать' образует совершенный вид как *проучить*...

Важно, что эти внутренние связи присутствуют не только в описаниях языка, но они участвуют в самих процессах речевой деятельности.

Наконец, стоит еще остановиться на «креативной грамматике» московского профессора Елены Николаевны Ремчуковой. Она исходит из того, что потенциал грамматических отношений, заданных в сознании

носителя языка, значительно шире тех границ, которые устанавливаются нормой литературного языка. И говорящий в каждый момент готов перешагнуть эти границы и создать окказиональную форму или конструкцию. Прочитую:

«В рамках потенциальных и продуктивных грамматических структур зарождается окказиональность – слово или форма, обладающая более яркой индивидуальностью, преодолевающая сопротивление лексического значения основы. [...] Креативные возможности, скрытые в самой грамматической единице языка, как правило, основаны на нарушении (в большей или меньшей степени) грамматической нормы, что создает эффект формы обновленной, неожиданной» (Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики. М., 2005).

Можно показать это на примере русской категории вида, которая, будучи очень сильно ограниченной лексическими условиями, в речевой деятельности то и дело нарушает эти запреты и демонстрирует всеобщность противопоставления по однократности – многократности, предельности – непредельности действия. Это касается, в частности, так называемых вторичных имперфективов (то есть глаголов несовершенного вида, образованных от совершенновидовых): *ущипнуть – ущипывать, выхлопотать – выхлопывать, намочить – намачивать, разлюбить – разлюблять, затеряться – затериваться* и т.п. Примеры из книги Ремчуковой: *ничего не пропадает в душе человека, ничто не затеривается в ней; у нас такой большой дом, что все заблуживаются в нем; мне кажется, что мы все время перетруживаемся; там иногда такие рожи пробегивают* и т.п. Это, действительно, феномен, весьма характерный для современной русской речи. Считая, что перед нами – проявление «гармонии языка и речи», исследовательница хорошо осознает, что степень такой речевой свободы различна в разных жанрах. Она, собственно, и идет от наблюдаемых фактов к определению жанров.

Рассмотренные нами лингвистические концепции изучают как языковую способность человека, так и особенности воплощения этой способности в тексты. Иными словами, они имеют прямое отношение к изучению речевой деятельности и, следовательно, к психолингвистике.